

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ—ИСТОРИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья Валерьяна Полянского

I

В. Г. Белинский в своей литературно-критической работе не раз делал обзоры русской литературы. Эти обзоры были своего рода конспектами, набросками предполагавшейся истории русской литературы, которую великий критик написать, однако, не успел. Таким наброском, ярким и оригинальным, который вызвал к себе всеобщее внимание литературного мира и поставил «недоучившегося студента», как в классовой злобе отзывались о Белинском его враги, в первые ряды русской критики, была и его первая большая статья «Литературные мечтания. (Элегия в прозе)». В ней великий критик смело заявил: «у нас нет литературы». «В самом деле, Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов — вот все ее представители; других покуда нет и не ищите их».

Н. А. Добролюбов подробных обзоров не писал, если не считать его большой статьи «Русская сатира в век Екатерины», статьи замечательной, но все же охватывающей ограниченный период времени и разрабатывающей узко специальную тему, и статьи «О степени участия народности в развитии русской литературы»; но у него имеется большое количество отдельных высказываний о больших и малых писателях, и эти высказывания дают достаточный материал, чтобы судить о Добролюбове, как об историке русской литературы.

Необходимо сразу же оговорить, что в данной статье нас интересует не специфически литературная сторона дела, а преимущественно, и даже пожалуй исключительно, сторона политическая. Конечно, специфически литературные проблемы эстетики, стиля, формы, языка, образности и т. п. при написании истории литературы подлежат обязательному и всестороннему рассмотрению, в определенной мере они переплетаются и с вопросами политики, но эти сложные проблемы требуют особой работы и мы в данном случае трогать их не будем.

Белинский представлял задачу истории русской литературы в таком виде: «Написать историю русской литературы значит: показать, каким образом, как следствие общественной реформы, произведенной Петром Великим, началась она рабским подражанием иностранным образцам, принявши чисто риторический характер; как потом постепенно стремилась к освобождению из формальности и риторизма и приобретению для себя жизненных элементов и самостоятельности; и как, наконец, развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русской. Вместе с этим должно показать, что русская литература положила у нас основание публичности и общественного мнения, была проводником в обществе всех человеческих идей и постоянно, не без успеха, боролась с предрассудками и пороками, завещанными нам невежественною, полуазиатскою страною»¹.

Исходя из тех или иных философских систем, в зависимости от которых Белинский наполнял свои принципы конкретным содержанием, он в основу своего исследования развития русской литературы неизменно клал принцип народности, художественной правды, не в смысле фотографического изображения жизни, а в смысле раскрытия ее внутреннего развития, показа ростков будущего, перспектив грядущего, выявления отмирающего, уходящего в прошлое.

Добролюбов, не теряя и не умаляя своего колоссального и самостоятельного значения в истории русской общественности, критики и публицистики, считал себя, да таковым был и на самом деле, продолжателем революционно-демократической линии Белинского. Добролюбов принял и политические и эстетические выводы великого критика, которые последний сделал, отказавшись от немецкой идеалистической, романтической философии и став на позиции материализма Людвиг Фейербаха. Как самостоятельный гениальный ум, Добролюбов естественно не просто взял готовые положения Белинского, механистически измеряя ими достоинство и историческое значение русской литературы и литературных явлений, — он развивал их дальше в соответствии со всей обстановкой русской жизни, экономическими, политическими и культурными течениями того времени. Он взял эти положения, как демократ-революционер, действующий в обстановке назревавшей крестьянской революции.

В «Литературных мечтаниях» Белинский доказывал, что Петр Великий железной рукой гения, осуществляя исторически необходимые реформы, оторвал общество от народа, в силу чего и литература, утратив свою прежнюю народность, т. е. перестав быть выражением русского народного самосознания, стала литературой привилегированного общества, перенимавшего культуру Западной Европы. Добролюбов так же на протяжении всей своей литературно-критической деятельности утверждал и совершенно, конечно, законно, что у нас нет литературы народа, а есть литература незначительной верхушки образованного общества. Это образованное меньшинство даже при всем своем расположении к народу и готовности пострадать за него, не может дать литературы народа, потому что оно не может отказаться от своих классовых интересов. «Мысль о помещичьих правах и выгодах так сильна в пишущем классе, — писал Добролюбов, обозревая литературу, касавшуюся крестьянской реформы 1861 г., — что, как бы ни хотел человек даже с особыми натяжками перетянуть на сторону крестьян, а все не дотянет». «Если и трактуются предметы, прямо касающиеся народа и для него интересные, то трактуются опять не с обще-справедливой, не с человеческой, не с народной точки зрения, а непременно в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса»². Вместе с Белинским Добролюбов, однако, верил, что придет время и появится богатая литература народа.

Добролюбов, как и Белинский, очень часто пользовался социологически расплывчатым и неопределенным термином народ, разумея под ним в первую очередь крестьянство, а затем и всех трудящихся, но он поднимался и на большую высоту мысли, хотя и не всегда на этой высоте удерживался. Он поднимался до классовой точки зрения. «Даже поэзия, — писал он, — всегда столь сочувствовавшая всему доброму и прекрасному и презиравшая мелкие, своекорыстные расчеты, — даже поэзия постоянно увлекалась духом партий и классов» и «редко спускалась до простого люда». Критик не возражал против того, что та или другая партия высказывала свои мнения. Дурно, по его глубокому убеждению, другое. «Дурно вот что: между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе»³, т. е. нет литературы, которая отражала и защищала бы интересы закрепощенного, и измученного крестьянства.

Это основная исходная точка зрения Добролюбова. Она руководила им не только при анализе содержания литературного произведения, но и при определении и оценке его формы. Так, например, говоря о А. Кантемире, критик отмечает, что «сатира явилась у нас, как привозный плод, а вовсе не как продукт, выработанный самой народной жизнью», равно как и содержание сатиры ни в какой мере не было выражением народных интересов.

Не видя в литературе «партии народа», Добролюбов с исключительной тщательностью отыскивал в ней элементы народности. Если у Белинского в период увлечения немецкой романтической философией народность была средством выражения абсолютного начала, духа, единой, вечной идеи и только в последние годы его жизни стала выражением политической сущности крестьянской жизни, то у Добролюбова с первых шагов на литературном поприще выявление народности вело к раскрытию ужасного положения крестьянства, к обнаружению тех черт характера и сил народных масс, которые были нужны крестьянству в назревающей борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Нет литературы «партии народа»; критик начинает собирать отдельные элементы народности, показывает их и пропагандирует их историческую обусловленность и неизбежность. Это было своеобразное собиранье и организация сил крестьянской демократии. Значение этого совершенно не понял даже такой большой человек, как Д. И. Писарев, разошедшись с Добролюбовым в оценке Катерины из «Грозы» Островского.

Неустанно повторяя, что литература самостоятельного значения не имеет, что ее роль чисто служебная, а достоинство и значение ее определяется тем, что и как она пропагандирует, Добролюбов требовал от художника-писателя, чтобы он стоял на уровне современных ему знаний, чтобы он проникал в дух событий, расчищал путь к осуществлению «естественных устремлений» народа, т. е. стремлений к социальному равенству. Естественно критик ищет критики самодержавия и крепостничества, критики всех общественных и политических теорий и мероприятий, которые могли бы оправдывать и поддерживать существующее положение вещей; критики всех деятелей, которые субъективно или объективно, все равно, ищут путей примирения между революционным крестьянством, самодержавием и помещиками. Добролюбов, не говоря о закоренелых крепостниках, жестоко бичевал либералов, вскрывал их изменническую делу народа природу. Они говорили много красивых фраз о страданиях и благе народа, но ни на какое практическое дело не были способны. Помимо критики существующего режима, Добролюбов искал в художественном произведении показа страданий народа и барства господствующих, жизнь которых была полна всяких политических и бытовых мерзостей.

Белинский утверждал, что гений, истинный художник, не может быть не народен, а что народно, то верно. Такой же точки зрения держался и Добролюбов. Он был глубоко и искренно убежден, что настоящий художник независимо от его воли, хочет он или не хочет того, непременно, так или иначе, прямо или косвенно, отразит интересы народа. Ошибочность взглядов обоих великих критиков очевидна. Суть дела в данном конкретном случае не в этих ошибках, в самой постановке вопроса; а постановка эта сводилась к тому, если писатель ни в какой мере не выражает интересы народа, он уже не является истинным талантом, его произведения теряют свое значение, как не показывающие добра и возвеличивающие зло. Правильную политическую мысль своего времени Добролюбов не сумел применить к проблеме художественности, но предъявленное им к литературе требование критики существующего режима и всего, что могло быть им использовано в целях своей защиты, оставалось незывлемым, непоколебимым.

Итак, Добролюбов в своей литературно-критической деятельности руководился следующими основными политическими требованиями: 1) среди ли-

тературы других партий должна быть и литература «партии народа», — литература, отражающая интересы закабаленного, но уже поднимающего голову крестьянства; 2) поскольку такой литературы еще нет, надо элементы народности отыскивать и собирать в имеющейся литературе, пропагандируя их как элементы прогресса, и 3) наконец, понимая интересы народа в широком историческом плане, литература должна быть критикой самодержавно-крепостнического строя, всего примыкающего к нему, должна быть показом несчастной жизни и стремлений народа.

Выявляя этот политический подход Добролюбова к литературе, было бы величайшей наивностью думать, что критик механически пользовался своей схемой. Если бы это было так, Добролюбов не был бы гениальным умом и гениальным критиком. Его критика была бы шаблонна, однообразна, скучна, сам он давным-давно был бы забыт потомством, да его не читали бы и его современники. Добролюбов в своих суждениях был глубоко историчен, ему не чужда была диалектика. Всякое явление он брал в процессе исторического развития, с учетом общественных условий, и прекрасно понимал, что сегодня имеет одно значение, завтра оно может иметь совершенно другое и даже прямо противоположное. Его политические требования, которые он предъявлял к литературе, всегда наполнялись конкретным содержанием текущего момента, всегда прямо, точно и ясно отвечали политическим интересам крестьянской демократии, крестьянской революции.

Часто возвращаясь к общим вопросам исторического развития, Добролюбов писал: «Благодаря историческим трудам последнего времени и еще более новейшим событиям в Европе [т. е. революциям. — В. П.], мы начинаем немножко понимать внутренний смысл истории народов, и теперь менее, чем когда-нибудь, можем отвергать постоянство во всех народах стремления, — более или менее сознательного, но всегда проявляющегося в фактах, — к восстановлению своих естественных прав на нравственную и материальную независимость от чужого произвола. В русском народе это стремление не только существует наравне с другими народами, но, вероятно, еще сильнее, нежели у других⁴. Критик хотел, чтобы история русской литературы была и отражением данного процесса и служила ему в движении вперед.

Теперь, когда мы имеем марксистско-ленинскую методологию, все эти установки кажутся простыми до очевидности, само собою разумеющимися. В шестидесятые годы это было совсем не просто, а наоборот, носило на себе печать гениальности. Великими провидцами были оба великие критика, когда высказали мнение, что Россия, учтя опыт революций в Западной Европе, скорее и лучше разрешит основной социальный вопрос. Это сбылось.

Добролюбов не мыслил историю литературы, как историю знаменитых писателей, как историю их творческого развития, их творческих достижений. Всего этого он не отрицал, но для него это только материал для истории. История литературы не внешнее описание литературных фактов: биографии писателя, перечисления его произведений со старшкольным пониманием содержания их, не эстетическая оценка мастерства и языка. То, что Добролюбов писал о гражданской истории, в известной мере должно быть перенесено и на его понимание истории литературы. Конечно, литература есть специфическое, образное явление и требует в обработке материала особых специальных подходов, но история всякого явления, всякого знания, есть все же история, и как таковая несомненно имеет основные принципы общие со всякой историей, и прежде всего с гражданской.

По поводу же гражданской истории Добролюбов писал, что история до сих пор писалась как история царей, писалась «преимущественно в смысле внешне-государственной» жизни; необходимо, чтобы история была историей народа, народных движений, борьбы народа за свои поправные эксплуататор-

скими классами права. Он убежден, что жизнь отдельных исторических деятелей может быть понята и оценена только в связи с историей народа. Иначе будет не история, а собрание случайных, разрозненных фактов, хотя бы и интересных и освещенных какой-либо идеей. В истории же народа развернется борьба эксплуатируемых и эксплуататоров, угнетенных и поработителей, борьба «естественных» и «искусственных» стремлений.

Все предыдущие высказывания дают полное основание утверждать, что Добролюбов представлял себе историю русской литературы, как историю художественного показа действительности в отношении «к характеру, положению и степени развития народа». Он так и писал: «Всякое историческое изложение, не одушевленное этой идеей, будет сбором случайных фактов, может быть и связанных между собою, но оторванных от всего окружающего, от всего прошедшего и будущего»⁵. Это не значит, что Добролюбов игнорировал специфику предмета; это только означает, что ее он подчинял все той же идее народности, идее борьбы крестьянства за свои интересы. Это не значит, что для Добролюбова история литературы была иллюстрацией к гражданской истории. Это значит только то, что как история гражданской жизни общества, так и история искусства и литературы, если она претендует на серьезное научное значение, несмотря на свои особые специфические особенности, не может писаться, если явление, подлежащее историческому рассмотрению, не будет связано с идеей борьбы народа. Вне этого возможна только узко-эстетическая история, но это уже не история литературы ни в нашем понимании, ни в понимании Добролюбова.

Критик высказал убеждение, что когда изложенный им взгляд на историю будет осознан, «тотчас исторические сведения о явлениях внутренней жизни народа будут иметь гораздо более цены для исследователей и, может быть, изменят многое из доселе господствовавших теорий». Невольно напрашивается вывод, что и нам в советской социалистической стране следует писать историю литературы, положив в основу великую идею народности, борьбы народа с угнетателями, выправив недоговоренности и ошибки великих критиков, исходя из принципов диалектического развития и классовой борьбы. Тогда все явления литературы, вся ее специфика будут на своем месте и найдут свое историческое объяснение и свою оценку.

II

Теперь обратимся к конкретному литературному материалу и посмотрим, как эти политические установки наполнялись живым содержанием. Обратимся к литературным высказываниям и оценкам критика. Будем следовать в хронологическом порядке и таким образом в первую очередь возьмем литературу времен Петра и Екатерины. Начнем с Кантемира.

Верный своему политическому взгляду на задачи литературы, Добролюбов прежде всего констатирует, что Кантемир — аристократ, человек независимый, а что делает, то делает по влечению своего сердца. Он обличал приверженцев старины, которые никак не могли понять ни сущности, ни пользы, ни исторической необходимости и неизбежности петровских реформ, которые держались за все старое, не различая живого от мертвого, полезного от ненужного. Обличал он и приверженцев новизны, когда они воспринимали только внешность европейской культуры и притом извращая ее, «делая смешной». Обличая, Кантемир выразил «не думу русского народа», на которого реформы ложились тяжелым гнетом, а «идеи иностранного князя, пораженного тем, что русские не так принимают европейское образование, как бы следовало по плану преобразователя России». Служа царю Петру он не обличал того, что было действительно дурно «для удобства жизни самого народа». Когда «народ от притеснений и непонятных ему новостей всякого рода бежал в раскол», князь Кантемир «смеялся над мерт-

вою обрядностью раскольников», и ничуть не касался ни самой системы проведения реформы, ни чинимых насилий. Когда «народ нуждался в грамоте, а у нас учреждалась Академия Наук, он обличал тех, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры»⁶.

Добролюбов прекрасно понимал историческое значение реформы Петра, считал цареву дело народным, поскольку реформы поднимали русскую жизнь на высшую ступень. Он, конечно, понимал и пользу сатиры Кантемира и все же, имея в виду непосредственные и ближайшие интересы народа, подчеркнул, что эта сатира «привозной плод, а не продукт, выработанный самой народной жизнью». Народ, идя против реформ, обличая ее сторонников, думал не о том, что обличал Кантемир, а о совершенно другом, как бы избежать новых тягот и без того тяжелой жизни.

Это было почти дословным повторением Белинского, который указывал, что «сатиры Кантемира — явление чисто случайное; что дух народный в них не участвовал; что они вышли не из этого духа, не его выразили и не к нему возвратились. Одно уже иностранное происхождение их автора показывает, что они не имели в себе самих никакой необходимости, могли и быть и не быть, а потому самому и были-то они словно не были»⁷.

Значительно суровее отнесся критик к Ломоносову. Он признает в нем ученого, профессора, ценит его заслуги в области науки, как основоположника русского естествознания, как создателя науки о языке, признает в нем поэта, но безоговорочно заявляет, что «в отношении к общественному значению литературы он не сделал ничего. Как до него схоластическая поэзия ограничивалась изображением «Орла российского» или сочинением аллегорического «Плача и утешения» в виршах Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, так точно и Ломоносова поэзия не шагнула далее дидактического нравоучения, да напыщенного воспевания бранных подвигов». Кантемир был иностранный князь, Ломоносов — сын народа и Добролюбов никак не может простить этому сыну народа, что «действительной жизни он не хотел знать, и даже полагал, кажется, что о ней можно говорить не иначе, как низким слогом, которого должен избегать порядочный писатель». Все это и заставило критика сказать, что в поэзии Ломоносова нет народности, что он был «чем вам угодно, но уж не человеком, сочувствующим тому классу народа, из которого вышел он»⁸.

Анализируя творчество Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Добролюбов, порицая их за подражание французам, за классицизм, за разного рода грубые дидактические тенденции, не обольщаясь тем, что у Сумарокова есть сцены, положения, фразы, картины, взятые из непосредственной жизни народа, что Сумароков призывал владеть людьми не по-скотски, а по-людски, т. е. милостиво и справедливо, указывал, что всем им чужды интересы, нужды, страдания народа. Особенно круто напал он на Хераскова и Княжнина. «Сии высокопарные пииты» «мало чуяли дух русской народности». Все обличало в их литературной деятельности «отчуждение от народности, пренебрежение к нуждам и страданиям людей, если они только не пользуются громкими титулами». Признавая в Фонвизине одного из «ценнейших и благороднейших представителей здравого направления мыслей в России», критик одновременно с сожалением отмечал, что, в силу ряда обстоятельств, эти горячие стремления, оказались бесплодны и не нашли нужного воплощения в художественной продукции Фонвизина.

«Державин все воспевал ничтожество людей вообще и величие некоторых сановников в особенности; о правах же человеческих думал так мало, что умиленно восторгался тем, как ему — «И знать, и мыслить позволяют»... Нападая на его мертвую схоластику, грубое эпикурейство, отсутствие здоровой мысли и изящного вкуса, на шутовство, критик припоминает восклицание поэта: «Прочь чернь непросвещенная и презираемая мной!» Одного

этого восклицания было «довольно», чтобы дать Добролюбову основание заявить: «Что же касается до взгляда на народ, его нужды и стремления, то Державин продвинулся немного со времен Ломоносова или даже Симеона Полоцкого»⁹. А. Милоков утверждал, что Державина от Ломоносова отделяет целый век, что Державин ушел значительно вперед. Против этого как раз и возражал Добролюбов: Как всегда его не обольщали сентенции в роде того, «что самый презренный и даже преступный человек есть тем не менее брат наш». Эти сентенции он приписывал влиянию у нас идей Ж. Ж. Руссо и видел, что они не гармонировали с русской действительностью и никто серьезно ими не проникнулся. К Державину Добролюбов отнесся строже чем Белинский, который не раз повторял: «Тут [в русской жизни того времени. — В. П.] нечего было и думать о содержании для поэзии — поэзия Державина осталась без всякого содержания». «Вместе с Державиным Фонвизин есть полное выражение екатерининского времени». Время же это было такое, что «Россия была навеки оторвана от своего прошедшего»... «настоящее ее было неверным и косвенным отражением чужого: откуда же было возникнуть в ней своеобразному созерцанию жизни, сумме тех общих для всех и для каждого понятий, посредством которых в обществе сливаются воедино все частности и личности, которые составляют цвет, характеристику, душу общества и, как в зеркале, отражаются в его поэзии и литературе?... Их не было и не могло быть. И вот отчего поэзия Державина так чужда всякого содержания». «Поэзия всегда верна истории, потому что история есть почва поэзии. Я сказал, что вельможество было единственным образованным сословием того времени и это не могло не отразиться в поэзии Державина, дав ей хоть и бедное и одностороннее содержание»¹⁰. Белинский ценит Державина как «первую ступень» рождающейся впервые поэзии и объясняет его исторически, Добролюбов строже, беспощаднее, он осуждает поэта, не прибегая к истории и не ища там оправдания.

Можно было бы привести еще достаточное количество высказываний о русской литературе данного времени, чтобы показать, с какой настойчивостью и последовательностью Добролюбов искал в литературе идею народности, отражения народной борьбы, но достаточно и этого. Понятно, что особо важное значение в данном отношении имеет для нас полемика с А. Милоковым. Она показывает, что, несмотря на то, что Добролюбов берет литературу за целый век, он не находит в ней развития идеи народности, не видит изменения отношения к народу, отношения барского, презренного. Ломоносов — сын народа, но и он стал по отношению к народу «дворянином». Иронизируя над Ломоносовым, Добролюбов писал: «Нельзя же было, в самом деле, рассказывая хоть бы например о затруднениях мужика, у которого последняя лошадь пала, возвыситься до того пафоса, до какого доходили наши поэты, описывая ужин и фейерверк, данный знатным боярином. Тут уже не только чувства не те, самый язык не тот будет. Возвышенным, красноречивым, витиеватым слогом можно воспеть только высокие явления жизни — взятие неприятельского города, отбитие у врага нескольких пушек, торжество по случаю победы, иллюминацию, раздачу наград и т. п. Вследствие таких соображений лучшие представители тогдашней литературы старались, так сказать, вести себя сколько можно аристократичнее в отношении к самому этому народу, к подлому народу, как называли тогда публику, не принадлежавшую к высшему кругу»¹¹.

Это суждение, относящееся к Ломоносову, может быть отнесено и ко всей литературе, о которой идет речь. Среди поэтов того времени нет истинного поэта, нет действительного таланта, следовательно, нет литературы, — сказал бы Белинский. Добролюбов этого не говорит, но его приговор не мягче, в известном отношении даже суровее. Белинский признал хоть Державина и даже нашел у него народность, хотя бы и по невежеству. Добролю-

бов же поставил поэта почти рядом с Ломоносовым и Симеоном Полоцким и народности в нем не нашел. Такая оценка была естественным результатом приложения к литературному явлению идеи об отношении этого писателя к жизни народа. Пренебрежительное отношение к нуждам народа, служение господствующим классам, все это вызвало отрицательное отношение Добролюбова к этой литературе, все это определило и место каждого писателя в истории русской жизни. А это место в свою очередь обусловило жанр творчества, язык и образность писателя.

В своей характеристике сатиры времен Екатерины и, в частности, журналов Новикова, Добролюбов бил все в одну и ту же точку. Он отдавал должное живости, меткости, правдивости изображения, добрым стремлениям по отношению к народу, радовался этому, и одновременно в своей характеристике настойчиво убеждал, во-первых, что «сатира Новиковская нападала не на принцип, не на основу зла, а только на злоупотребления того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло», — во-вторых, что все сатирики времен Екатерины отличались осторожностью, а осторожность эта вытекала из убеждения, что «здание само по себе совершенно хорошо, но что его нужно только очистить несколько от накопленного в нем мусора», но не следует разрушать его. В острой напряженности выявления идеи народности, временами даже в ущерб разработки вопроса о месте писателя в истории литературы, сказалось страстное стремление Добролюбова от литературы дворянской, от литературы либеральной перейти к литературе народной, крестьянской, революционной, демократической.

Замечательны и характерны суждения Добролюбова о Карамзине и Жуковском. У Карамзина «точка зрения на все попрежнему отвлеченная и крайне аристократическая». Он «изображает нежные чувства, привязанность к природе, простой быт. Но как все это изображается! Природа берется из Армидиных садов, нежные чувства — из сладостных песен труверов и из повестей Флориана, сельский быт — прямо из счастливой Аркадии». «Главная мысль та, что умеренность есть лучшее богатство и что природа каждому человеку дает даром такие наслаждения, каких ни за какие деньги получить невозможно. Это проповедует человек, живущий в довольстве и который после вкусного обеда и опрятного обеда с гостями, садится в изящном кресле, в комнате, убранной со всеми прихотями достатка, описывать блаженство бедности на лоне природы. Выходит умилительная картина, в которой есть слова: природа, простота, спокойствие, счастье, но в которой на деле нет ни природы, ни простоты, а есть только самодовольное спокойствие человека, недумаящего о счастье других»¹².

В то время как Белинский подчеркнул, что «в повестях Карамзина русская публика в первый раз увидела на русском языке имена любви, дружбы, радости, разлуки и пр. не как пустые, отвлеченные понятия и риторические фигуры, но как слова, находящие себе отзыв в душе читателя», что «в лице Карамзина русская литература в первый раз сошла на землю с ходуль, на которые ее поставил Ломоносов»¹³. Добролюбов, наоборот, как последовательный демократ 60-х годов подчеркнул ее аристократический, антинародный характер, затемняя этими подчеркиваниями историческое значение Карамзина.

Романтическая поэзия Жуковского также полна мечтательности, стремления к неведомому, к успокоению «в заоблачном тумане», к примирению с жизнью, она полна патриотических чувств, обращенных к русским шлемам, панцырям, щитам и стрелам. «Из русской народности Жуковский отобразил в «Светлане» только одно народное суеверие, во всем остальном поэзия поэта отделяется от народного духа «неизмеримой пропастью». Характер его поэзии консервативен». Такие сокрушительные отзывы, направленные против тех критиков, которые писали о Карамзине как о писателе

народном и приблизившемся к действительности, не помешали Добролюбову согласиться с тем, что «Карамзин и Жуковский получили в русском обществе такое значение, какого не имел ни один из предшественников писателей». Оды Ломоносова и Державина обслуживали людей придворного круга, повести Карамзина и баллады Жуковского читались всем дворянством, следовательно, удовлетворяли потребностям более широкого круга. Хотя эти писатели и давали суррогат вместо жизни, все ж они в какой-то степени приближались к действительности. Временами, например, у Жуковского даже вырываются настроения недовольства миром во имя каких-то высших стремлений человеческого духа. Добролюбов отмечает, что ко времени Карамзина и Жуковского в русском обществе появилась потребность в литературе, отображающей действительность. Дать эту действительность «живьем», как выражается Добролюбов, боялись, страшась нарушить эстетические каноны. И вместо действительности дали суррогат, разукрашенную природу, счастливую жизнь аркадских пастушков. И тем не менее, Карамзин и Жуковский далеко ушли от Ломоносова и Державина. Этим определяется их историческое место и большое историческое значение. Поставив в один ряд Карамзина и Жуковского, Ломоносова и Державина и других, поскольку им всем было чуждо сознание общечеловеческих интересов, поскольку они были чужды идеи народности, Добролюбов сумел оценить всех этих писателей по отношению к жизни, которой жило дворянство. Эта жизнь имела свою историю, свои светлые и темные стороны. В этом случае писатели получали оценку в зависимости от того, какие стороны дворянской жизни они отражали и как служили историческому прогрессу.

Первым поэтом, вырвавшимся из рутинной державинской и карамзинской творческой среды, Добролюбов считает Пушкина. Критик писал про величайшего русского поэта: «Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть. Но сила его таланта, умение чувствовать, ловить и воссоздавать естественную красоту предметов — победили дикое упорство фантазеров, и в этом-то приближении к реализму в природе состоит величайшая литературная заслуга Пушкина»¹⁴.

Всю литературу до Пушкина Добролюбов считал искусственной, носившей грубо «внешне-утилитарный» характер. Народные начала, оказавшиеся в песнях, преданиях и т. д., утрачены в историческом развитии. Пушкин обращается к этим народным началам, вносит их в свою поэзию.

Усиленно подчеркивая прогрессивный характер произведений поэта, критик указывает, что под давлением самодержавия, после разгрома движения декабристов, лира поэта не раз исторгала неверные ноты, но это произошло не в силу «естественных потребностей души» поэта, а по слабости характера его. То же самое критик повторяет о Лермонтове, хотя это был человек твердый и энергичный. Добролюбов понимал, что этих двух великих поэтов убило в сущности русское самодержавие, калеча их талант, а затем и истребив их физически руками своих холопов.

Лермонтов в глазах критика потому выше Пушкина, что он рано умел понять недостатки современного общества, умел понять, что спасение от всего этого только в народе. Особенно Добролюбов ценил стихотворение «Родина», в котором поэт «становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно». И тут же критик отмечает два серьезнейших обстоятельства, стоявших на пути поэта «русский поэт не может полностью высказать всю свою любовь к народу, полностью отобразить свой гуманнейший идеал». «Ранняя смерть помешала ему даже поражать пороки современного общества с тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживал ни один из русских поэтов»¹⁵.

Как известно, в 60-е годы шли страстные споры о пушкинском и того-

левском направлении в литературе. Чернышевский и Добролюбов были за гоголевское направление. Причина следующая. Пушкин принес реалистическое изображение природы и чувств, Гоголь этот реализм перенес «от явленной природы к явлениям нравственной жизни». Он хотя и бессознательно, художественным чутьем, в лучших своих произведениях «очень близко подошел к народной точке зрения». Когда же от Гоголя потребовали с этой народной точки зрения пересмотреть всю русскую действительность, он испугался, оставил ее и занялся проповедью идеального самосовершенствования. Конечно, Добролюбов понимал, что поворот Гоголя куда круче поворота Пушкина. Для Гоголя критик не нашел никаких оправданий, но он стоит за его направление. Добролюбов верен своей идее народности и идее, что история не есть история знаменитых людей, а их место определяется отношением к народным интересам, понимал, что именно Гоголь, и в этом его величайшая заслуга, поднял русскую литературу на следующую высшую ступень развития, перенес реализм на человеческие отношения, сатирически бичуя язвы общества. Романтическая полоса Карамзина, Жуковского с их сентиментальной идеализацией природы и человеческих отношений была преодолена творчеством Пушкина и Гоголя. Первый внес реализм в изображение природы и чувств, второй человеческих отношений. Все это разрушало ту фальшь и иллюзии, которые сеяли тогда романтики.

С наибольшей полнотой идея народности, по мнению критика, сказана у Кольцова, но последний не обладал большим талантом и не имел влияния на литературное движение. У него не хватало «всесторонности взгляда; простой класс народа является у него в уединении от общих интересов, только с своими частными житейскими нуждами». Поэт «даже своими стремлениями иногда удаляется от народа». Народным и великим поэтом Добролюбов считал Шевченко. У него «весь крут его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни». «Он — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя»¹⁶.

Добролюбов выносил много суровых приговоров писателям, но не выкидывал их за борт истории. Он понимал, что каждый исторический момент выделяет людей своего времени. «В свое время», — писал критик, — нужными людьми для нашего общества были — не только Пушкин и Лермонтов, но даже и Карамзин и Державин. Теперь, если бы явился опять поэт с тем же содержанием, как Пушкин, мы бы на него и внимания не обратили; Лермонтов и теперь еще мог бы занять многих, но и он все-таки не то, что нам теперь нужно. Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и самого Лермонтова умел продолжать и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова»¹⁷. Добролюбов был убежден, что история уже пришла к такому этапу своего развития, когда, наравне с литературой других партий, должна быть литература «партии народа», т. е. литература, отражающая интересы крестьянской демократии, вплоть до крестьянской революции. Грустные и лишенные простора стихи Полонского не удовлетворяют значительную часть современных читателей, потому что, по объяснению критика, «нам теперь нужны энергия и страсть; мы и без того слишком кротки и незлобивы».

Итак, литературу от Карамзина, кончая Гоголем и Кольцовым, критик расценивает в зависимости от того, насколько она носит реалистический характер, и самое главное, насколько этот реализм проникал в изображение человеческих отношений.

Естественно Добролюбов преклонялся перед Белинским. Его влияние он видел «на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного». Его статьи открыли новый мир знаний, размышлений и деятельности, «в Белинском наши лучшие идеалы».

Оценка современной Добролюбову литературы, оценка Тургенева, Гон-

чарова, Островского, Щедрина, Достоевского идет уже с других позиций, которые были закономерным развитием предыдущих оценок, закономерным развитием демократически-революционной мысли. Критик уже не довольствуется реалистическим изображением действительности, сочувствием «к классу народа», избобличением тех или иных общественных недостатков и язв, вытекающих из самых основ существующего порядка. То, что несомненно вызвало бы восторг во времена Карамзина, то теперь осуждается и является предметом смертельной борьбы.

Тургенев — реалист, но его реализм дворянский, его «Записки охотника» имеют несомненное общественное значение, в них налицо элементы народности, но если повести Карамзина в историческом движении стояли между творчеством Пушкина и Державина, то народные рассказы Тургенева стоят между творчеством новой социальной силы разночинной демократии и Пушкина. Народные повести Тургенева Добролюбов находит прикрашенными, в них он чувствует барское отношение к мужику, снисходительно покровительственное, он требует отношения к мужику, как к равному, говоря ему открыто и смело о всех его недостатках. Сочувствие народу он требует заменить делом для народа.

Устанавливая общественную родословную Обломова, упрекая тогдашнее образованное русское общество в обломовщине, критик ищет в литературе сначала людей дела вообще, а потом людей дела крестьянской революции. Благородные порывы и благородное пустословие дворян-либералов он гневно отрицал, считая все это предательством народного дела. Он требовал, чтобы литература показала не только «лишних людей», но и поднимающуюся народную массу и ее вождей, чтобы она показала характеры и силы крестьянской революции. Его не увлекала, а, наоборот, сильно раздражала так называемая обличительная литература. Она обличала частные пороки, зло, вытекающее из основ существующего государственного порядка, в самой сущности своей являющееся злом, а между тем оставленным обличительной литературой нетронутым.

Словом, Добролюбов искал и ждал такой литературы, которая полностью выражала бы жизнь народа, его положение, его страдания и нужды, его стремление к борьбе за свои «естественные» права, которая оформляла и воодушевляла бы массу революционно-демократической идеологией и вела бы к крестьянской революции. Он внушал, чтобы литература полностью признала стремление крестьянства к социальному равенству, как оно рисовалось демократии, и начисто отвергала самодержавно-крепостническое государство. В этом отношении он строг, ему чужд всякий компромисс. Тургеневскую школу беллетристов он ценил за то, что основной мотив ее творчества: «среда заедает человека». Мотив этот он считал очень хорошим и сильным. Он досадовал, что мотив этот не разработан с надлежащей полнотой. Тургеневская школа показывала главным образом человека «заеденного средой», но самая среда рисовалась ей бледно и слабо. Добролюбов же, как исследователь гоголевского направления в искусстве, как последователь реалистически-критического направления в литературе, прежде всего хотел, чтобы показана была среда со всеми ее ужасами, дикостью, бесчеловечностью. Он преследовал цель вызвать наивысшую ненависть к русской тогдашней государственности и жажду борьбы с ней. То, что не выполнила тургеневская школа, взяла на себя щедрина школа. Она взялась за изображение среды, но и эта школа по мнению критика, «взяла только официальную сторону дела, да и то (и что главное) — в проявлениях чрезвычайно мелких». И тут же, как всегда, критик добавляет: «нельзя не видеть, что у г. Щедрина «обличение» перетягивает. Ни в одном из «Губернских очерков» его мы не нашли в такой степени живого, до боли сердечной почувствованного отношения к бедному человечеству, как в «Запутанном де-

ле, напечатанном 12 лет тому назад». Добролюбов хотел рубить под корни и всегда опасался, как бы литература, обличающая среду по мелочам и частностям, не заслонила основной задачи крестьянской революции и не внушила мысли, что если государственное здание не удобно, то все же оно может быть отремонтировано и может быть вполне удобным. Когда Гончаров бросил мысль, что обломовщина в русской жизни изживается, Добролюбов тотчас разъяснил, что это пагубная, вредная мысль, которая может помешать борьбе с русской обломовщиной. Эта обломовщина может подточить те силы, которые организуются на борьбу за интересы крестьянства.

Высоко Добролюбов ценил литературу и так выбирал ее для своих больших статей, чтобы она давала возможность художественными средствами доказать, что самодержавно-крепостная Россия — «темное царство», омут, темница, смрадная яма, жить в этом «темном царстве» нельзя, оно должно быть разрушено. Разрушить его может только сам народ, в котором имеются нераскрытые, но богатые силы; народ уже приходит в себя, расправляет свои силы, у него появляются первые герои, такие сильные в этих условиях, как Катерина. Он убежден, что скоро явятся русские Инсаровы и поведут народ на вооруженное восстание против русского самодержавия и помещиков. Когда Тургенев, отмечая в «Накануне» новое стремление в русском обществе, разработал и отразил его, как либерал-постепеновец, Добролюбов жестоко напал на писателя за то, что он повторяет истины, ставшие избитыми.

Мобилизуя силы революции, Добролюбов приветствовал писателей, которые, как, например, М. Вовчок, давая народные рассказы, показывали не Калиныча или Касьяна, а людей по мере сил и возможностей уже не мирящихся со своим положением и протестующих. Он приветствовал, когда видел в творчестве протест, когда видел, как писатели, например Гоголь и Достоевский, показывали, что слепой не совсем слепой и что и в самом забитом существе теплится какая-то искра протеста, только надо ее поддерживать и раздуть. Во всей этой литературе критик видел организующую силу революции. Всякую иную литературу он не отрицал, но поскольку она отражала литературу господствующих классов, отводил ее на задворки истории. Эта классовая политическая заостренность в оценке основных литературных явлений, наиболее характерных для своего времени, ни в какой мере не затемняла специфики литературного факта. Великий критик Добролюбов, как и великий критик Белинский, умел видеть, как различные общественные условия определяли форму художественного творчества даже в отдельных частных проявлениях. Разница между двумя критиками только в том, что Белинский значительно больше, чем Добролюбов, обращал внимание и писал о форме литературы, всегда обуславливая ее содержанием, — Добролюбов же сильнее подчеркивал, в силу требований времени, политическую сторону литературы. В статьях Добролюбова разбросано немало чисто эстетических замечаний, которые свидетельствуют, что критик умел чувствовать и понимать красоту, но ему не до нее было. Он не раз собирался заняться эстетической критикой, как говорили в то время, но не успел. Политическая обстановка в связи с уничтожением крепостного права требовала в первую очередь разрешения задач социальных, но не эстетических. Белинский, несмотря на все свое преклонение перед эстетикой, в определенный исторический момент сумел выдвинуть на первый план «Антоня Горемыку» и «Деревню» Д. Григоровича, произведения в художественном отношении бесспорно довольно слабые. То же самое повторил и Добролюбов, когда, например, он высоко художественным «Запискам охотника» Тургенева противопоставил народные повести Вовчок, Кокорева и других, не идущих в художественном отношении в сравнение с повестями Тургенева.

Классовая политическая заостренность, историческая последователь-

ность, принцип народности — основные черты Добролюбова, как историка русской литературы. Эти принципы он проводил в своих статьях не в форме политических схематических характеристик, а в строго литературном анализе литературных явлений, беря их во всех связях современности, выясняя, насколько писатель шел в ногу со временем, насколько он отвечал чаяниям крестьянской демократии. Он не вдавался в анализ таланта, но он брал преимущественно лучшие произведения лучших писателей — Гончарова, Островского, Достоевского, Щедрина, Тургенева и других.

В наше время, до самых последних дней, еще не изжитая совсем тенденция исчерпать историю литературы, расклассифицировав писателей по рубрикам: дворянский, буржуазный, пролетарский, введя подразделения по принципу — крупный, средний и мелкий. В соответствии с этим, исходя из характеристики в данный исторический момент определенного класса, дают соответствующую характеристику писателю. У некоторых профессоров истории литературы все сводится к тому, чтобы, например, показать, что Достоевский и Чехов представители мелкой городской буржуазии. Сказав это, они считают задачу разрешенной. Фактически же они ее не только не разрешили, но надлежало и не поставили. Вырванные из живой действительности во всех ее связях, вставленные в безжизненные, схоластические литературоведческие схемы, писатели теряют свою индивидуальность и принадлежат им историческое место. Выяснение классовой сущности и функции литературы необходимо, но одно это еще не является историей литературы. Это сознавал и Белинский и Добролюбов. Если бы Добролюбов стал на путь схоластической схематизации, от чего он неоднократно предостерегал, его история русской литературы могла начаться и кончиться заявлением, что русская литература в своем подавляющем большинстве является дворянской, консервативный или либеральный характер ее это уже другой признак, и только еще появляются слабые ростки литературы демократической. Но ведь Белинский и Добролюбов прекрасно знали роль каждого писателя в определенных политических условиях, знали их место в отношении к идее народности. И мы только можем сожалеть, что ни одному из этих великих критиков не удалось написать истории русской литературы, со своей революционно-демократической точки зрения. Эта история могла многому научить и нас, строителей социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. Г. Белинский, Сочинения, СПб. 1919, т. II, стр. 135.
- ² Н. А. Добролюбов, Сочинения, М., 1934, т. I, стр. 211.
- ³ Там же.
- ⁴ Назв. изд., т. II, стр. 272.
- ⁵ Назв. изд., т. III, стр. 120.
- ⁶ Назв. изд., т. II, стр. 138.
- ⁷ Назв. изд., т. I, стр. 1003.
- ⁸ Назв. изд., т. I, стр. 229.
- ⁹ Назв. изд., т. I, стр. 231.
- ¹⁰ Назв. изд., т. II, стр. 251 — 259.
- ¹¹ Назв. изд., т. I, стр. 230.
- ¹² Назв. изд., т. I, стр. 232.
- ¹³ Назв. изд., т. II, стр. 261—262.
- ¹⁴ Назв. изд., т. II, стр. 577.
- ¹⁵ Назв. изд., т. I, стр. 238.
- ¹⁶ Назв. изд., т. II, стр. 562.
- ¹⁷ Назв. изд., т. II, стр. 578.